

НАРЦИССИЗМ: ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ (К ИТОГАМ ДИСКУССИИ)

Ореховский Петр Александрович,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором философии и методологии экономической науки
Института экономики РАН,
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32*
SPIN-код: (РИНЦ) 8489-2102
AuthorID (РИНЦ): 72288
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

Разумов Владимир Ильич,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теологии, философии и культурологии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55*
SPIN-код (РИНЦ): 6418-9748
AuthorID (РИНЦ): 8985
ORCID: 0000-0002-6904-9764
RazumovVI@omsu.ru

Аннотация

Статья представляет собой обобщение результатов дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Идеи и идеалы» после опубликования статьи П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики». Всего в дискуссии участвовали 11 авторов. Подводя итоги дискуссии, отметим, что нарциссизм вызывает интерес как тема междисциплинарных исследований и обсуждений. В то же время имеющиеся материалы позволяют заключить, что как сам феномен нарциссизма, так и его рефлексия специалистами находятся на начальной стадии формирования. Опубликованные статьи позволяют сделать вывод, что разные группы авторов по-разному интерпретируют как саму культуру, так и современный феномен нарциссизма. Понимание культуры как совокупности практик, использованное П.А. Ореховским и В.И. Разумовым, разделяется Н.И. Мартишиной, В.А. Скоревым, Ю.Ю. Перпиным, Г.А. Илларионовым, В.И. Кудашовым. Подход к культуре как к метасистеме характерен для работ А.Г. Теслинова и Л.Ю. Логуновой. Рассмотрение культуры как черты когнитивности предложен О.В. Хлебниковой («понятийное» и «клиповое» мышление), различение

социалистической и капиталистической («некрофильской») культуры используется С.М. Журавлевой. Таким образом, нарциссизм рассматривается в весьма различающихся между собой контекстах, что затрудняет его понимание и делает, по сути, невозможным выработку конвенционального отношения к практикам, реализующимся в политике, науке, образовании. К последующим обсуждениям теории и практики нарциссизма уместно отнести тему связей нарциссизма с религиозностью. В прогностическом плане интересно рассмотреть перспективы связей нарциссизма с будущим постмодернизма и общества массового потребления. По мнению П.А. Ореховского и В.И. Разумова, если рассматривать состоявшуюся дискуссию как эксперимент по индикации научной риторики, то его результаты убедительно свидетельствуют как о плодотворности концепта нарциссизма, так и о правомерности тревоги за сохранение универсума прежних практик и конвенций. Отсутствие четкости в понимании нарциссизма свидетельствует о том, что данное явление только начинает привлекать внимание специалистов.

Ключевые слова: культура, нарциссизм, постмодернизм, плюрализм реальности, нарциссическая культура.

Библиографическое описание для цитирования:

Ореховский П.А., Разумов В.И. Нарциссизм: вариации на тему (к итогам дискуссии) // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 2. – С. 401–415. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-401-415.

Нам уже приходилось писать, что индивидуальное восприятие «духа постмодерна» поневоле делает исследователя толерантным [8]. Признание *плюрализма реальности* приводит к тому, что чтение текстов коллег становится не тестированием на истинность или даже фальсифицируемость по Попперу, но оказывается, скорее, *эстетическим восприятием* предлагаемой (джазовой?) разработки темы¹. В этом отношении каждый исследователь видит (слышит, осознаёт) свою реальность, где часть описанных нами феноменов исчезает, а между оставшимися устанавливаются свои, зачастую совсем иные связи.

Здесь возникает важный вопрос о выборе каждым мыслящим человеком одного из двух представлений об устройстве мира, являющегося универсом или мультиверсом. При выборе универса ответом на этот вопрос становится стратегия поведения субъекта, который нацелен на то, чтобы, соединяя различное, сохранить Мир как Единое и Единственное. При выборе стратегии мультиверса установка делается на различия, в результате

¹ Формат IMRAD, который упоминает Н.И. Мартишина, при постмодернистском восприятии следует рассматривать как *дадаизм* в науке. Например, математики точно так же пользуются метафорами (гладкость, выпуклость, четкость, натуральность и т. д.), описывая свойства своих реальностей, как и экономисты [5]. Главное при этом делать серьезный вид, и тогда эссеистика, в которой нас упрекает Ю.Ю. Першин, станет *сучной*. А ведь это главный атрибут *научности*, не так ли?

чего вместо усилий по усовершенствованию единственного мира творится множество индивидуальных миров. Уместно сказать, что нарциссы не склонны к универсализациям – каждый творит свой единственный мир как элемент множества мультиверса. Таким образом, *само обсуждение* темы нарциссизма ведет к росту различий в представлениях обсуждаемого предмета. Нарциссизм, способствуя формированию плюралистического мировоззрения, переводит дискурс мыслящего субъекта из универса в мультиверс.

Реальность, которую увидели в нашем тексте Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов, по нашему мнению, можно охарактеризовать как *пан-нарциссизм*: «Мы считаем, что практически любые социокультурные явления могут быть интерпретированы как проявление нарциссизма и нарциссической культуры» [3, с. 166]. Эта вездесущность Нарцисса связана с особым пониманием секулярности, которая предполагает «плоскую онтологию», исключаящую иерархию и, следовательно, «служение», посттрадиционность, в рамках которой «почва превращается в поток» и разрушается, а заодно и особый вид гуманизма, где происходит «отступление всех форм культуры, что могли бы дать человеку иное содержание деятельности, кроме “служения” самому себе» [3, с. 173, 174]. Такой пан-нарциссизм, по мнению авторов, не является чем-то новым, а представляет собой завершение развития массовой культуры, диалектически отрицающей самое себя. В последнем разделе статьи Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов отмечают: «наши рассуждения не столько опровергают мысль ... П.А. Ореховского и В.И. Разумова, сколько проводят ее инверсию. Нарциссическую культуру, которую они называют “внешним фактором, меняющим ход всех интересов участников этих процессов”, мы полагаем фактором внутренним, составляющим мотивы и интересы участников этих процессов» [3, с. 174]. Такая инверсия, в сущности, является результатом того, что «мы предполагаем посмотреть не на то, как эгоцентризм и плюрализм людей меняет политику, науку и высшую школу, а на людей, которым политика, высшая школа и плюрализм не оставляют ничего, кроме них самих» [3, с. 168].

Нам трудно согласиться с тем, что «эгоцентризм и плюрализм» нынешних людей существенно выше, чем у людей массовой и/или словесной культуры. Это – из другого дискурса, основой которого является пессимизм в оценке эволюции человеческой природы. Но если принять это видение, то да, в такой логике картина пан-нарциссизма становится тревожной и мрачной, и в перспективе наступившего кризиса массового производства, соответствующего сформировавшейся внутри эгоцентриков-нарциссов культуре, маячит только всеобщий экологический кризис.

Некоторые коллеги упрекнули нас в том, что мы не предоставляем четкого определения понятия «нарциссическая культура» [3, с. 166]. По-видимому, стоит остановиться на этом чуть подробнее. Мы рассматриваем культуру как *совокупность практик* (поскольку такой подход крайне распространен среди социологов и экономистов, трудно сказать, кто впервые его предложил. Во всяком случае, описание «русских» и «европейских» практик приводится еще Н. Данилевским, не говоря уже об О. Шпенглере). Соответственно, говоря о нарциссической культуре, мы и описывали соответствующие ей практики, отличающие ее как от массовой, так и от сословной культуры². В свою очередь, последние две культуры также встречаются в современных обществах, включая российское. В.А. Скорев приводит описание такой сословной структуры российского общества, цитируя С.Г. Кордонского [12, с. 218]. Очевидно, что сословная структура предполагает и соответствующую культуру (практики).

Следует подчеркнуть, что здесь наши представления сильно расходятся с реальностью Кордонского, в которой есть, по сути, два неявных марксовых класса³. Один класс – это *привилегированное «служилое»* сословие, куда попадают «дипломаты, военнослужащие девяти категорий, правоохранители восьми категорий – от полицейских до судебных приставов), депутаты, казаки на госслужбе, сотрудники госкорпораций» (аналог *дворян*). Другой класс – *угнетенное «несслужилое»* (обслуживающее) сословие, среди которого оказываются «бюджетники, врачи, пожарные, коммунальщики, работающие по найму и на контракте, пенсионеры, осужденные, лица свободной профессии» (аналог *крестьян и ремесленников*). Внутри служилых и несслужилых сословий действуют свои внутренние иерархии, связанные с размером получаемого дохода, а также достаточно жестко определяемые нормы поведения.

Практики, присущие сословной культуре, *архаичны* – достаточно напомнить о возможных границах поведения мужчин «высших сословий» по отношению к женщинам «низкого происхождения», допустимых формах

² Тем же путем описания нарциссических практик идут в своих работах В.А. Скорев [11] и Н.И. Мартишина [6]. При этом «социокультурных явлений», которые реализуют практики сословной и массовой культуры, в современных обществах остается едва ли не больше, чем нарциссических. Например, неформальные сословно-иерархические практики распространены как среди криминального мира, так и среди «деятели культуры», при этом в обоих случаях эти практики хорошо уживаются с нарциссизмом (что, в частности, и показывает в своей работе В.А. Скорев). Сохраняющееся во многих видах экономической деятельности массовое производство диктует прежнюю «дисциплину тела», ритм жизни и нюансы межличностных отношений, характерных для массовой (индустриальной) культуры, и т. д.

³ Самим С. Кордонским это не рефлексировалось. Фактически он описывает Россию как феодальное общество с поправкой на индустриализацию и современные технологии. При этом его исследовательская стратегия «наблюдателя» полностью совпадает со столь любимой последователями Г.П. Щедровицкого позицией «прогрессора» из широко известного произведения А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом».

(телесного) наказания, специфике налогообложения и т. д. Игнорируя эти практики (а заодно никак не апеллируя к Кордонскому), Ю.Ю. Першин видит в нарциссической культуре социальную патологию, заодно полагая, что «именно такие иерархические архаические структуры, которые пост-модернистскому мышлению (не хотелось бы думать, что *пока*) не подвластны, возможно, и являются средством спасения от окончательного сползания общества в объятия нарциссической культуры» [10, с. 155]. В его работе звучит другая тема, отчасти пересекающаяся с дискурсом Г.И. Илларионова и В.И. Кудашова: изначально здоровая, «варварская» культура постепенно теряет свою жизнеспособность, в ней начинает развиваться «вирус» нарциссизма, который, если ему не противостоять, ведет к распаду основных социальных структур и, в сущности, к ликвидации общества как такового. Поэтому «для такой современной нарциссической “цивилизации”, как когда-то для Рима, обязательно найдутся свои “варвары”. Они должны будут очистить этот гнойник... Образ “варвара”, создаваемый поборниками навязываемых человечеству извращенных “общеευропейских” и “общемировых” ценностей при помощи лжи и пропаганды, в глазах *нормальных* людей парадоксально становится всё более *положительным*. Многие уже с надеждой смотрят на консервативно мыслящую Россию, которая всегда была для Запада варварской страной, как на защитницу традиционных ценностей, традиционной семьи, религии, традиционного отношения между полами» [10, с. 158].

Определения «нормальный» и «положительный» выделены самим Ю.Ю. Першиным. И это вызывает вопрос, что имеется в виду: статистическая норма, «большинство»? Но в современных богатых обществах, включая Россию, нет такого большинства, точнее сказать, оно представляет собой случайную коалицию меньшинств. Скажем, по вопросу отношений между полами российские атеисты, буддисты, мусульмане, иудеи и христиане будут едины. Но уже в отношении содержания «традиционной религии» всё будет не так однозначно. И уж совсем неоднозначным будет отношение к некоторым «архаическим структурам», таким, например, как таможня⁴ или ФСБ.

Другое понимание нормы – желательное, должное. Здесь всё еще сложнее: достаточно заметить, что даже ученые системы РАН и вузов не могут выработать конвенциональные нормы, на которых должно основываться функционирование их организаций. Чего уж там говорить про «консервативно мыслящую Россию»... Остается только согласиться с Ю.Ю. Першиным в том, что «плюрализм реальности, который предполагается, когда

⁴ Например, в отечественных медиа неоднократно приводились примеры того, как таможня задерживала грузы, закупленные на народные пожертвования, которые шли в сторону Донецкой и Луганской республик в помощь добровольцам. Это практики «здорового варварства» или «нарциссизм»? И как реагировала на такие случаи ФСБ? Да никак.

заходит речь о постмодерне, напоминает комнату со множеством зеркал, которые мешают определить, где же настоящая реальность. Где истина? Где человеческое? Куда идти?» [10, с. 158]. Конечно, в такой ситуации можно разбить все зеркала, кроме одного, объявив, что именно оно «истинно отражает настоящую реальность». По нашему мнению, это простой, но неверный выход.

Принципиально другая реальность представлена в работе А.Г. Теслинова [12]. Во-первых, он, следуя по пути многих авторитетных философов, «пытавшихся искать в культуре ее саму, а не судить о ней по ее проявлениям в отражениях так называемых “социокультурных практик”, считает, что «культуру уже невозможно “брать” иначе, чем как “вторую природу”, закономерно пришедшую на смену “первой” путем снятия фундаментального противоречия живого мира: его “безмозглого” поведения в усложняющейся реальности, движимого врожденными программами (инстинктами). С этой точки зрения “единицей” культурного поведения является вовсе не способность к так называемому “высокому искусству”, а смысл, к порождению и/или исполнению которого способен пока лишь человек. Здесь смысл следует брать не с художественно-гуманитарной позиции..., а как значение любого “отрезка реальности” в контексте тех обстоятельств, в которых человек определяет выбор своего поведения... это не любое значение, но то, которое окрашено экзистенциальным и эмоциональным переживанием» [12, с. 182].

Во-вторых, что логично следует из такого представления о культуре, он придерживается оптимистичного взгляда на природу человека: дифференциация и индивидуализация, связанная с нарциссизмом, знаменует собой не что иное, как прогресс «второй природы», усложнение и утончение когнитивных и эмоциональных процессов личности, которая решает свои экзистенциальные проблемы. Здесь в принципе нет места для архаизации, более того, поскольку «речь идет об идеалах», А.Г. Теслинов считает плодотворным «в качестве методологического ориентира в этой попытке следует помыслить облик третьей природы, которая непременно придет на смену второй. Ведь современный человек – не последний венец эволюции. Но какую она будет? Если рассуждать по-гегелевски, видимо, она снимет противоречие индивидуального обогащения... она должна будет снять пагубные для будущего нарциссианские правила потребительского существования и установить иные. Какие? С той же диалектической закономерностью можно утверждать: те, которые уже видны в мысленной линии “продолжения” нарциссизма» [12, с. 185].

Понятно, что при таком подходе меняется и «отсчет нарциссизма»: А.Г. Теслинов связывает его с «послеосевым временем», с кризисом логоцентризма и подъемом эгоцентризма, датируя всё это XVI в., а не с пере-

ходом к новым технологиям гибкого производства, сдвигам в маркетинге и логистике. Соответственно, в отношении образования, науки и политики нарциссизм – просто своеобразный вызов, ответ на который будет даваться на индивидуальном уровне, через своеобразное углубление нарциссизма: «Потеря авторитета преподавателями – это стимул для развития их самих ... это будет дидактика экзистенциального опыта...

...Обесценивание профессионализма – это приближение обвала успеха недоучек, заваливающих проекты в первых же дорогих продажах...

Смерть экспертизы – признак приближения рождения новой экспертизы, нашедшей способы упрощения переходов по ступеням усложнения самой себя.

Дискредитация научного знания и интеллектуального труда – это знак приближения к взрыву интереса к развитию мышления» [12, с. 186, 187].

Такой экзистенциальный оптимизм и вера в возможности человека, признаться, нас несколько обескураживает. В реальности А.Г. Теслинова в конкуренции нарциссов побеждают лучшие, обладающие не только самым высоким интеллектом и компетентностью, но и эмпатией, и даже альтруизмом. Собственно, это логично – «недостаток культуры» в данном дискурсе рассматривается просто как невежество. Экзистенциальное зло, содержащееся в человеке, получающем удовольствие от унижения и боли (моральной и/или физической) других людей, в реальности А.Г. Теслинова отсутствует.

Отказ от веры во взаимозависимость интеллекта и добрых качеств индивида приводит к тому, что становятся заметными многочисленные нарциссические политические практики, успешно взаимодействующие с архаикой. Например, одна из таких, ныне вполне легитимных практик – это апартеид, основанный на социальном расизме и сегрегации [7]. Отрицание эгалитарности в наше время происходит еще на уровне подготовки преподавателей и учителей, что сказывается на положении педагогических институтов (или колледжей, если говорить о Западе) в общей системе высшего образования. Практики АУЕ («арестантский уклад един»), столь распространенные в нынешних российских школах, выпадали из большинства откликов, поступивших на нашу работу (исключение составляет статья В.А. Скорева, где наличие АУЕ предполагается скорее по умолчанию). Мы полагаем, что это слепое пятно является естественной частью мировоззрения многих российских обществоведов, воспринимающих отсутствие эгалитарности как нечто само собой разумеющееся.

Наиболее ярким проявлением подхода, избыливающего такими слепыми пятнами, является статья С.М. Журавлевой. В бестселлере А. Юрчака о последнем поколении людей, живших в СССР, есть глава «Воображаемый Запад» [15, с. 311–403]. У С.М. Журавлевой в СССР прошло только

ее детство, но она пишет о том, как «в СССР наибольшее внимание уделяли развитию личности в человеке, именно поэтому массовой культуры (в ортеговском смысле “восстания” серости, безответственности и потребительства) в Советском Союзе не было» [2, с. 234]. Очевидно, что философ с образованием, полученным в «капиталистической России», не подозревает, что Х. Ортега-и-Гассет считался советскими марксистами реакционным мыслителем, критиковавшим современное ему буржуазное общество справа, презиравшим «массы», которые в СССР были основными «субъектами коммунистического строительства». Борьбой же с «безответственностью, серостью и потребительством» были заняты практически все тогдашние газеты, «толстые» журналы, кинематограф и идеологический отдел ЦК КПСС. «Народу служила не только наука, но и образование, и промышленность, и искусство. И такое служение наличествовало *только* в Союзе» [2, с. 235]. *Какому* народу? От погибшей страны остался мавзолей с мумией В. Ленина, куда ходят люди, разделяющие взгляды С.Н. Журавлевой, но некрофилия – это, оказывается, капитализм, это современная Россия.

«В капиталистическом мире все, кто не имеют достаточного⁵ количества денег (а это подавляющее большинство людей), попадают в *некрофильную цивилизацию, где в людях никто не видит людей, но видят только средства для достижения прибыли и удовлетворения желаний*» [2, с. 240]. Поскольку С.Н. Журавлева живет именно в капиталистическом мире, стало быть, она видит вокруг себя только эту «некрофильную цивилизацию». Жуткая реальность!

Напоминать о том, *как и какими средствами* строилась «коммунистическая цивилизация» в СССР, нам не хочется – это широко известно. Другое дело, что тем марксистам, кто был в 1980-х гг. уже не пионером, но профессиональным обществоведом, стоит напомнить тогдашний вопрос, который был актуален в связи с переходом к рынку: «А что *вы* можете предложить вашим потребителям?». Теперь стало понятно: они готовились торговать некрофилией. Идея сильно подержанная, заимствованная у Франкфуртской школы, еще в 1970 гг. почившей в бозе (вдобавок часть франкфуртцев в 1940–1950-е гг. сотрудничала с ЦРУ [1]). Это – ничего. Как уже говорилось, если разбить другие «зеркала реальности», определив нас «узкими специалистами и сциентистами со всеми вытекающими последствиями» [2, с. 231], то можно продать и собственную душевную болезнь, обвинив в ней весь капиталистический мир.

Жесткая критика С.Н. Журавлевой делает акцент на том, что методология не эксплицирована авторами статьи. Но мы согласны с Ю.Ю. Першиным – статья написана в эссеистическом жанре, а не в академическом, по-

⁵ Это сколько? По какому критерию С.Н. Журавлева определяет «подавляющее большинство людей»? Это – самоидентификация?

этому в ней широко используются остенсии (от лат. ostendo – «указываю»). Такие формулировки приводятся, но не в узком смысле, как тип остенсивных дефиниций из логической теории определения, а широко, как простые указания на наблюдаемые явления, что свойственно жанру философского эссе. Вероятно, с желанием продемонстрировать читателям образец «правильного, методологически обработанного» текста С.Н. Журавлева стремится доказать, что современной цивилизации свойственен не нарциссизм, а некрофильность. Однако она не приводит каких-либо убедительных аргументов доминирования в современном обществе культа смерти. Очевидно, здесь мы имеем дело с болезненно-субъективной, не подкрепленной научной аргументацией, ситуацией. Маркетинг своего интеллектуального продукта, на наш взгляд, странноватый, но раз статья прошла рецензирование и опубликована в «Идеях и идеалах», значит, С.М. Журавлева не одинока.

Дополняют позицию С.М. Журавлевой статьи О.В. Хлебниковой и Л.Ю. Логуновой, каждая из которых по-своему объясняет читателям, что нарциссическая культура – это своеобразные «тупиковые социокультурные практики», «симулякр», один из видов маркетинговых извращений, в рамках которых акторы пытаются добиться личного успеха. Так, в работе О.В. Хлебниковой нарциссическая культура предстает как ошибка когнитивности, характерная для некоторых социальных групп, которые приобрели «клиповое мышление» и теперь, отказавшись от истины, оперируют постправдой⁶. Подробная характеристика «паттернов нарциссического мышления», приведенная ею [14, с. 197], заставляет вспомнить о «взбесившемся пианино», как когда-то характеризовали солипсизм Дж. Беркли. В общем, «если Сократ был готов “скорее встретиться лицом к лицу со смертью, чем отказаться говорить правду”, то герой нашего времени, вероятно, был бы глубоко оскорблен и напуган любым обращенным к нему призывом объяснить по поводу личных предпочтений в области излюбленных версий постправды» [14, с. 204–208]. Таким образом, чтобы вернуться к вожаденной истине, нарциссов – будь-то студентов, будь-то коллег – *достаточно напугать*: «призвать объяснить по поводу личных предпочтений». И клиповое мышление, надо полагать, рассеется, как морок...

⁶ Постправда в интерпретации О.В. Хлебниковой представляет собой индивидуальную концепцию объяснения действительности, применяемую по принципу удобства пользования: «возникновение концепта постправды выступает своеобразной констатацией сложившейся явным порядком в современном мире ситуации, когда, с одной стороны, истина всегда менее важна, чем частный комфорт нарциссической личности (о чем упоминалось ранее), а с другой – в абсолютном смысле истина более не значима для действующих социокультурных практик» [15, с. 203]. Это не имеет никакого отношения к концепции постправды, развиваемой С. Фуллером [13], в рамках которой «истина львов» противопоставляется «постистине лисич». При этом сама Хлебникова, конечно же, выступает с позиции «львов», защищая «понятийное мышление», а заодно, конечно же, свой индивидуальный гештальт.

Напротив, в работе Л.Ю. Логуновой культура интерпретируется как метасистема, увидеть которую наблюдатель, находящейся внутри этой системы, не может в принципе. Отсюда описываемые нами практики являются случайными нарушениями социального равновесия, которые привносятся в систему умными, но *некультурными* людьми – *реформаторами*, которые верят в *модернизацию*: «Модернизация ведет себя как инфекция, проникая во все сферы жизни. Институционализируясь, она перестает быть просто процессом изменений, она начинает навязывать себя системе. Опыт замещается переживанием новизны. Высшая форма переживания – шок... Функционеры (инициаторы реформ) впадают в общий тренд удовлетворения потребности в новизне. Это люди деятельные, голодающие по переживаниям в своей деятельности. В удовлетворении потребностей переживаний и новизны кроется причина бесконечных реформ, формирующих своеобразную моду.

Мода – феномен, основанный на бесконечном обновлении и подражании. Мода на реформы не есть необходимость. Это лишь потребность человека, голодающего в своих рутинных обязанностях, испуганного, что его не заметят вышестоящие, такие же эмоционально голодающие, как он» [4, с. 296].

Любопытно, какое мышление свойственно реформаторам – понятийное или клиповое? Этот вопрос оставим для дискуссии между О.В. Хлебниковой и Л.Ю. Логуновой. Последняя же успокаивает читателя: «что может сделать группа умных и влиятельных людей против культуры, прожившей сотни лет? В ее арсенале – смыслы социокодов (любовь к земле, достоинство хозяина, солидарность, забота и уважение членов общности), механизмы традиции и социального наследования, содержание социальной памяти об опыте народа. Мода на реформы проходит, реформаторы сходят со сцены политических драм. Культура – вне моды и вне игры» [4, с. 306]. Что тут скажешь – метасистема. В этом дискурсе нет смысла обсуждать нынешние российские тренды, «следуя моде». Ведь это всего лишь «эмоциональное голодание», не так ли?

Завершая обзор поступивших откликов, выражаем благодарность всем авторам, принявшим участие в дискуссии. На наш взгляд, она убедительно подтвердила и посылку и о плюрализме реальности, и о практиках нарциссической культуры. Неожиданно для самих себя мы оказались недостаточно радикальны. Так, в оценках грядущих перемен мы вместе с В.А. Скоревым и Н.И. Мартишиной не так пессимистичны, как Ю.Ю. Першин, Г.А. Илларионов и В.И. Кудашов, но и не так оптимистичны, как А.Г. Теслинов. И уж точно мы не так оригинальны в своих взглядах на нарциссическую культуру и присущую ей концепцию постистины (здесь мы солидарны с С. Фуллером), как экстравагантные С.М. Журавлева, О.В. Хлебникова и Л.Ю. Логунова.

Описать возможные варианты означает в какой-то мере изменить будущее. Остается надеяться, что «здоровый» нарциссизм и творческие начала в нашей стране окажутся намного сильнее архаики, подгнивших и трансформировавшихся практик оболванивания масс и уж тем более – маркетинга некрофилии «по-советски».

Дискуссия продемонстрировала интерес специалистов к теме нарциссизма, проявляя при этом новизну этой тематики, когда отсутствует даже приемлемое для исследователей определение нарциссизма. Также для последующих обсуждений важно посмотреть на нарциссизм, соотнося его с другими характеристиками общества, к примеру, с религиозностью. Не менее перспективным представляется прогнозирование будущих изменений в отношениях нарциссизма, постмодернизма, общества массового потребления.

Литература

1. Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна»: биография Франкфуртской школы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 448 с.
2. Журавлева С.М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 230–244. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-230-244.
3. Илларионов Г.А., Кудашов В.И. Гуманизм, посттрадиционность и секуляризм как три основания современного нарциссизма // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 164–179. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-164-179.
4. Лозунова А.Ю. Реформирование и реформаторство в системе культуры и системах общества // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 2. – С. 291–312.
5. Макклоски Д. Риторика экономической науки. – М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 328 с.
6. Мартишина Н.И. Нарциссическая культура и места ее обитания // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 194–213. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-194-213.
7. Ореховский П.А., Разумов В.И. Скрамное обаяние апартеида: оборотная сторона нарциссической культуры // Siberian Socium. 2022. – Т. 6, № 2 (20). – С. 8–23. – DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.
8. Ореховский П.А., Разумов В.И. Между иронией и трагедией (к дискуссии об образовании и науке в журнале «Идеи и идеалы») // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 1. – С. 51–61. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-51-61.
9. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102.
10. Першин Ю.Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 149–163. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-4.2.1-149-163.

11. *Скорев В.А.* Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 214–229. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-214-229.
12. *Теслинов А.Г.* Благодатные силы индивидуализации // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 180–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-180-196.
13. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть. – М.: ИД ВШЭ, 2021. – 368 с.
14. *Хлебникова О.В.* Клиповое мышление и генгальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 195–215.
15. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022.

Статья прошла рецензирование 27.09.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-401-415

NARCISSISM: VARIATIONS ON A THEME (TO THE RESULTS OF THE DISCUSSION)

Orekhovskiy, Petr,

Dr. of Sc. (Economics), Professor

Head of the Philosophy and Methodology of Economic Science Sector

Institute of Economics RAS,

32 Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2816-1298

SPIN-koд: (RSCI) 8489-2102

AuthorID (RSCI): 72288

orekhovskiy@mail.ru

Razumov, Vladimir,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Professor of the Department of Theology, Philosophy and Culturology

Dostoevskiy Omsk State University,

55a Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6904-9764

SPIN-code (RSCI): 6418-9748

AuthorID (RSCI): 8985

RazumovVI@omsu.ru

Abstract

The article is an attempt to generalize the results of the discussion that was held on the pages of this journal after the publication of the article [9] on its pages. In total, 11 authors participated in the discussion, published in the journal "Ideas and Ideals". Summing up the discussion, we note that narcissism is interesting as a topic of interdisciplinary research and discussions. The available materials allow us to conclude that either the phenomenon of narcissism itself or its reflection by specialists are at the initial stage of formation. The published articles allow us to conclude that different groups of authors interpret both culture itself and the modern phenomenon of narcissism in different ways. The understanding of culture as a set of practices used by P.A. Orekhovskiy and V.I. Razumov, is shared by N.I. Martishina, V.A. Skorev, Yu.Yu. Pershin, G.A. Illarionov, V.I. Kudashov. The approach to culture as a metasystem is typical for the works of A.G. Teslinov and L.Yu. Logunova. A variant of culture as a feature of cognition was proposed by O.V. Khlebnikova ("conceptual" and "clip" thinking), a variant of distinguishing socialist and capitalist ("necrophilic") culture is used by S.M. Zhuravleva. Thus, narcissism is considered in very different contexts, which makes it difficult to understand it and makes, in fact, impossible to develop a conventional attitude towards practices implemented in politics, science, and education. It is appropriate to refer to the following discussions of the theory and practice of narcissism with the topic of the relationship of narcissism with religiosity. From a prognostic perspective, it is interesting to look at

the prospects for links between narcissism and the future of postmodernism and the mass consumer society. According to P.A. Orekhovsky and V.I. Razumov, if we consider the discussion that took place as an experiment in the indication of scientific rhetoric, then its results convincingly testify both to the fruitfulness of the concept of narcissism and to the legitimacy of concern for the preservation of the universe of previous practices and conventions. The lack of clarity in the understanding of narcissism indicates that this phenomenon is just beginning to attract the attention of specialists.

Keywords: culture, narcissism, postmodernism, reality pluralism, narcissistic culture.

Bibliographic description for citation:

Orekhovsky P., Razumov V. Narcissism: Variations on a Theme (To the Results of the Discussion). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 4, pt. 2, pp. 401–415. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-401-415.

References

1. Jeffries S. *Grand-otel' «Bezdna»: biografiya Frankfurtskoi sbkoly* [Grand Hotel “Abyss”]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 448 p.
2. Zhuravleva S.M. Nartsissizm ili nekrofilija? [Narcissism or Necrophilia?]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 230–244. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-230-244.
3. Illarionov G.A., Kudashov V.I. Gumanizm, posttraditsionnost' i sekulyarizm kak tri osnovaniya sovremennogo nartsissizma [Humanism, Post-Traditionalism and Secularism as Three Foundations of Contemporary Narcissism]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 164–179. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-164-179.
4. Logunova L.Yu. Reformirovanie i reformatorstvo v sisteme kul'tury i sistemakh obshchestva [Reforming and Reformation in the System of Culture and Systems of Society]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 2, pp. 291–312.
5. McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [The Rhetoric of Economics]. Moscow, St. Petersburg, 2015. 328 p. (In Russian).
6. Martishina N.I. Nartsissicheskaya kul'tura i mesta ee obitaniya [Narcissistic Culture and Where to Find It]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 194–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-194-213.
7. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. Skromnoe obyanie aparteida: oborotnaya storona nartsissicheskoi kul'tury [The discrete charm of apartheid: the reverse side of narcissistic culture]. *Siberian Socium*, 2022, vol. 6, no. 2 (20), pp. 8–23. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-8-23.
8. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. Mezhdru ironiei i tragediei (k diskussii ob obrazovanii i nauke v zhurnale «Idei i idealy») [Between Irony and Tragedy (To the Discussion about Education and Science in I&I)]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 1, pp. 51–61. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-51-61.

9. Orekhovskiy P., Razumov V. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102.

10. Pershin Yu.Yu. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: zametki na polyakh [The Onset of Narcissistic Culture: Notes in the Margins]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 149–163. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-4.2.1-149-163.

11. Skorev V.A. Nartsissicheskaya kul'tura v deistvii: vlast', obshchestvo, bezopasnost', samoopredelenie [Narcissistic Culture in Action: Power, Society, Security, Self-Determination]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 214–229. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-214-229.

12. Teslinov A.G. Blagodatnye sily individualizatsii [The Gracious Powers of Individualization]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 180–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-180-196.

13. Fuller S. *Postpravda: znaniye kak bor'ba za vlast'* [Post-truth]. Moscow, HSE Publ., 2021. 368 p. (In Russian).

14. Khlebnikova O.V. Klipovoe myshlenie i geshtal't postpravdy v prostranstve nartsissicheskoi kul'tury [Clip Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 195–214.

15. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p.

The article was received on 05.09.2022.

The article was reviewed on 27.09.2022.